

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

АНГОЛА

*Течёт вода, бегут года.
Из памяти отдельные уж стёрты эпизоды.
Но точно, ясными останутся всегда
В Анголе нами прожитые годы.*

Н. Ждаркин

На эти стихи я натолкнулась случайно в Интернете. Написаны они военным, который служил в Анголе в 1980-х годах. Стихи простые, незамысловатые, но, по моему, хорошо выражают чувства тех, кто был здесь в это время...

Сегодня 19 июля 2008 года. Наконец-то я решилась засесть за воспоминания о двадцати четырёх годах работы на Африканском континенте. Из них два с половиной года пришлось на Анголу и более двадцати лет – на Мозамбик. Никогда не думала-не гадала, что окажусь в этих далёких странах, что отдам им столько сил, столько лет жизни, но так распорядилась судьба...

С чего же всё началось? Шёл 1981 год. Я – главный врач клиники Института гигиены труда и профзаболеваний в украинском городе шахтёров и металлургов Кривом Роге. Кандидат медицинских наук. Диссертацию защитила в 1978 году в Москве в НИИ гигиены труда и профзаболеваний при Академии медицинских наук СССР. После кандидатской мой руководитель предложил мне продолжить научную работу. Я готовилась к этому, но тут-то в мою жизнь и вмешался господин случай.

К нам пришла министерская разнарядка: выделить два врача на врачебно-преподавательскую работу в страны Африки и Латинской Америки. Начальница отдела кадров, назовём её Н.И.,

встретив меня, попросила помочь ей подобрать подходящие кандидатуры. До этого она уже дважды оформляла для такой работы Б.С., врача-невропатолога, кандидата медицинских наук, но в последний момент он отказывался. К нему обратились вновь. И снова последовал отказ: «Н.И., вы шутите? Поищите кого-нибудь другого!»

Вместе начинаем перебирать личные дела тех, кто бы мог поехать, но подходящей кандидатуры так и не находим (возраст, семейные проблемы, готовится к защите диссертации и прочее). И тогда Н.И. говорит: «А давайте оформим вас, всё равно никуда не поедете. Туда не очень-то и нужны врачи по вашей специальности (оториноларинголог). А для Минздрава, возможно, будет достаточно и одной кандидатуры». Что было делать? Я согласилась. Н.И. заполнила анкету, я её подмахнула, написала автобиографию и тут же обо всём забыла, просто выбросила из головы.

Каково же было моё удивление, когда довольно быстро пришёл ответ с неожиданной просьбой оформить для работы в Африке ещё и... моего мужа, акушер-гинеколога. Дескать, эти специалисты там, в странах «хронической беременности», крайне необходимы. Я была обескуражена. Мужа, человека благообразного и осмотрительного, трудно было подвигнуть даже на перемену места работы в пределах одного города, а тут другой континент! У нас 15-летняя дочь, которой надо учиться, старенькая мама... Как же быть? Вот так дела!

Муж, когда я ему всё рассказала, оказался категорически против, назвав мою затею авантюрой: «Ты хочешь, чтобы в больнице надо мной потешались, как над нашим сокурсником, который уже пять лет всё едет за рубеж и никак не уедет?!» Пробую успокоить моего Владимира Александровича, уверяю его, что никто ни о чём не узнает и что мы, скорее всего, вообще никуда не поедем. Где-то через месяц после долгих увещеваний он, наконец, согласился заполнить анкету и написать автобиографию...

В марте я уезжаю на двухмесячные курсы усовершенствования в Москву, и вдруг в один прекрасный майский день муж зво-

нит мне и заявляет, что я его «втянула в историю», что его пригласили в Минздрав Украины, где по моей милости он выглядел безответственным глупцом. «Когда они завели речь о предстоящей работе за границей, я сказал, что никуда ехать не желаю, что просто хотел выручить жену, так как к ней в клинику пришла разрядка на два врача, а найти их не удалось».

Дальше он продолжал: «Меня пристыдили, а потом начали уговаривать, что, мол, другие мечтают о такой замечательной поездке, а вы отказываетесь, и дали два дня на окончательное решение. Выйдя из кабинета после собеседования, я встретил знакомого врача-травматолога из Винницы и всё рассказал ему. В ответ он говорит: "Ты что?! Сейчас же иди и соглашайся! Я вот после Мали собираюсь в Африку во второй раз". После нескольких часов раздумий я вернулся в Минздрав и дал согласие».

После разразившейся семейной бури наступило затишье. Нас никто не беспокоил, и мы решили, что никуда уже не едем. Начали собираться в отпуск. Это был август 1981 года. В отпуск мы отправились, но через неделю позвонил директор института и сообщил, что нас вызывают в Москву для собеседования. На работе мужа известие о нашем скором отбытии в Африку вызвало эффект разорвавшейся бомбы. (Кто знал, что очень скоро «эффект разорвавшейся бомбы» перестанет быть для нас простой метафорой и превратится из фигуры речи в суровую реальность.) В начале сентября мы поехали в Москву в «Союздравзагранпоставку», где нам предложили отправиться в... воюющую Анголу. Там шла гражданская война, врачи были необходимы...

До отъезда предстояло пройти трехмесячные курсы португальского языка, но мы пробыли на них только 2,5 месяца и уже 8 декабря из зимней Москвы улетели в Анголу, где как раз наступал пик жары.

Хочу поделиться, как мы, специалисты в возрасте 40 лет и более, осваивали азы португальского языка. С преподавателем нам явно не повезло. Его собственные знания, мягко выражаясь, были не твёрдыми, как, впрочем, и походка, он страдал запоями.

Непоколебимо убеждён он был только в том, что распространённую в Африке опаснейшую малярию лучше всего лечить джином и агуа-тонином. В Анголе мы от малярии, по счастью, убереглись, поэтому убедиться в ценности его совета тогда не пришлось. Знаю только, что джин с тоником совершенно бесполезен при изучении иностранного языка. Мы очень завидовали коллегам из другой группы, которые уже через пару недель начали разговаривать по-португальски. Их учили осваивать язык, как осваивают его дети, что очень правильно. И вот с таким начальным «знанием» португальского мы летели работать в Анголу.

Летели родным Аэрофлотом. Вместе с нами на борту вахтенные моряки-рыбаки, все пьяные в стельку, в салоне повышенная концентрация паров алкоголя, мат-перемат, споры, ссоры. Стюардесса, видя наши перепуганные лица, как могла нас успокаивала: «В прошлый раз было куда хуже: они встали посередине салона и начали раскачивать самолёт». Повторно устраивать в воздухе морскую качку наши «милые мальчики» раздумали, наверное, потому, что сами едва стояли на ногах и полёт завершился благополучно.

Мы вышли из самолёта и первое, что мне вспомнилось – газетный штамп «...горит красная земля Анголы», он мелькал тогда в прессе. Земля в Анголе действительно красная (краснозём). И действительно, как потом оказалось, она была в огне. Не утихала гражданская война.

Что мы знали тогда об этой стране? Не так уж много. Знали, что это бывшая португальская колония, что португальский мореплаватель Диогу Кан высадился здесь ещё в XV веке, в 1482 году, что независимость Ангола обрела в 1975-ом, но мира там нет, националистические группировки воюют между собой. Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА / MPLA) поддерживается СССР и Кубой (кубинцы прислали сюда 15-тысячный воинский контингент, наши – военных советников). Противостоит МПЛА Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА / UNITA), на их стороне юаровцы, заирцы и американ-

цы. Страна, буквально напичканная алмазами, золотом, нефтью, урановой рудой, не может выбраться из нищеты. После 1975 года из Анголы выехали почти все португальские инженеры, врачи, учителя. Восполнить в какой-то мере острую нехватку этих специалистов призваны именно мы, это главная цель нашего приезда...

Когда мы улетали из России, было минус –10, а в Луанде, столице Анголы, +45 и 100-процентная влажность. Начинаем стягивать с себя свитера, помогает мало, и если бы в тот момент можно было вернуться назад, мы бы, наверное, долго не раздумывали. Тем более, нас никто не встретил. До Торгпредства растерянных людей, говорящих по-русски, подбросил на своей машине военный переводчик, слышавший родную речь. В Торгпредстве – никаких объяснений и извинений. Как будто, так и надо. Единственное, что их заинтересовало, почему и зачем вырвавшийся нас переводчик оказался в аэропорту.

Поселили нас в жилом доме Торгпредства, где две специальные комнаты считались гостиницей. В одной комнате – две кровати на пять женщин, в другой – три на троих мужчин. Наша коллега, терапевт из Армении, прилетевшая немного раньше, сказала, что знает как пользоваться кондиционером и включила его. Первая ночь в Африке превратилась в ночь кошмаров. Какой уж там сон, дожить бы до утра! Дожили. Оказывается, кондиционер был включён на тепло...

Нам срочно оформляют местный аусвайс, позволяют купить продукты в магазине Торгпредства. Слава Богу, планы поменялись, мы уже не летим в провинцию Меланжа, где обострилась военная обстановка. Узбеки, которые по контракту выращивали там хлопок, вывезены в Луанду и уже несколько недель сидят без работы, ждут какого-то решения и от нечего делать выращивают хлопчатник во дворе на клумбе. Тогда я впервые увидела коробочки хлопка...

Наконец с нами определились: летим на юг Анголы, в провинцию Уила, город Лубанго (позже мы узнаем, что это воюющий 5-й округ). Летим нашим военным самолётом, он буквально забит

ящиками с оружием. Для меня выделили место спереди, сижу на каких-то канатах. Мужа разместили среди ящиков в самом хвосте, боюсь, ненароком его вынесет в небо.

В Лубанго нас вновь никто не ждёт. И опять помогли военные. На сей раз советники, встречавшие на аэродроме свой самолёт. Они привезли нас в дом, где живут медики. На доме написано «Huila Gados», что в переводе означает «Скотный двор». Вот где нам предстоит прожить 2,5 года!

В городе работают преподаватели профтехучилища (местные к каждому из них обращаются не иначе как «профессор»); многочисленная группа мостостроителей, бесконечно ремонтирующая мосты (стоит им отремонтировать мост, как УНИТА его тут же взрывает. По этому поводу ходит шутка: «УНИТА изо всех сил старается продлить вам контракты»); есть два ветеринара; большая группа военных советников; семь врачей и три медсестры.

Кроме советских, здесь работают (ремонтируют дороги) югославы. Ремонтируют очень качественно. Все они большие труженики. В пять утра их машины уже гудят под окнами нашего дома. Работает и большая группа болгар. Преподаватели. Представились именно так. Позже, уже в Мозамбике, стало известно, что все они страстные любители драгоценных камней. Большой дружбы у нас с «братушками» не было, хотя и общались. Я даже оперировала по поводу искривления носовой перегородки одного из них по имени Стефан. Почему он надумал оперироваться в Африке, а не у себя дома, где гораздо безопасней, я так и не поняла. Правда, в то время ещё не свирепствовала пандемия СПИДА.

Болгары научили нас печь банницу. Рецепт храню до сих пор. Очень сложно, но у них получается легко и быстро.

Итак, у нас 5-й округ, воюющий, как я уже сказала. Сюда часто приезжают военные из относительно благополучной Луанды, столицы страны. Приезжают, как потом выяснилось, чтобы просто отметить и на этом основании получить статус «участника

войны» и соответствующие льготы. Мы же здесь находимся постоянно, работаем порой по 24 часа в сутки, к перестрелкам и взрывам привыкли как к чему-то само собой разумеющемуся – и не на войне. Сейчас бывавшие у нас наездами военные вошли в Совет ветеранов Анголы и получают все положенные льготы как участники войны. Молодцы!

Когда военная обстановка обостряется, в предоперационной нас охраняют кубинские коллеги. Им разрешено носить оружие (пистолеты). У нас тоже есть пять автоматов Калашникова, два пистолета и ящик с патронами. Находятся они в кладовке до особого случая. В городе кроме нас работают кубинцы – преподаватели, врачи и очень много военных. В большинстве своём это открытые, приятные люди. Праздники проводим вместе. Вначале мы не знали некоторых особенностей кубинцев. Скажем, если ты пригласил в гости одного, то вместе с ним запросто придёт минимум пять, а то и десять совершенно незнакомых тебе людей. В доме нет ни места, ни посуды, ни приготовленной еды для такого числа гостей, выкручивайся, как хочешь! Лишь со временем они поняли, что нужно приходить по количеству приглашённых.

С кубинскими врачами мы живём в мире. По воскресениям выезжаем в парк. Парк здесь чудесный: водопад, много-много роз. С 10 часов до 12-ти кубинские военные играют на гитарах, поют и негласно охраняют нас. Мы уезжаем из парка и сразу после нас они.

Однажды в этом парке накануне своего отъезда на родину погиб кубинский лётчик – не вышел из пике. Случилось это через 20 минут после того, как мы покинули парк. Лётчика этого мы все знали, он учился в нашей стране...

Кубинцы не только хорошо воюют, играют и поют, но ещё и отменно готовят. Их коронное блюдо – свиные шкварки. Очень вкусные (правда, иногда со щетиной). Ещё – по особому приготовленные жареные бананы, вроде картофельных чипсов.

На праздники мы обычно просим кубинцев приготовить в их пекарне молочного поросёнка. Это кулинарный шедевр! В знак

благодарности всегда отправляем бутылку водки. Как-то раз наш ответственный за питание стоматолог Миша, вручил им бутылку «до того», а не «после того». И вот результат: когда Михаил приехал забирать поросся, как говорят на Украине, весёлые кубинцы распевали песни под гитару, притопывали и прихлопывали в такт, а о поросёнке в печи напрочь забыли. Когда вспомнили, есть было уже нечего: осталась только шкурка толщиной с пергаментную бумагу...

С хирургом Кордейро, который работал тогда в Анголе уже во второй раз (сначала он прибыл сюда как военный врач и потом – как гражданский) мы встретимся случайно спустя 22 года в аэропорту города Нампула в Мозамбике. Он ехал работать в соседнюю провинцию и через год посетил нас в Нампуле. Вспомнили Анголу, общих друзей...

Город Лубанго (в колониальном прошлом – место отдыха и деловых встреч) очень красивый. Каждая роскошная вилла, каждая решётка на веранде – единственные в своём роде и неповторимые. Так задумывалось архитекторами, и так воплощалось строителями. Долгие годы здесь всё содержалось в образцовом порядке. Но времена изменились. Сейчас прямо на верандах разводят костры для приготовления пищи. Казалось бы, почему не развести огонь рядом на земле, за домом, но это местные *костумы* (обычай, привычки), они почти священны, и их надо блюсти, во что бы то ни стало!

Город с трёх сторон окружён горами и посему никогда не был захвачен УНИТА. На одной из гор – монумент как в Рио-де-Жанейро: Иисус Христос с распостёртыми руками. Кажется, будто Спаситель говорит людям: «Посмотрите, как прекрасна эта земля, этот город, живите в мире!» А мира нет. Каждый день гибнут люди. Более 13 тысяч кубинцев сложили свои головы в Анголе (это официально, а на самом деле, кто знает...). Свои жизни они отдали за революционную идею, но, увы, Ангола не стала для Африканского континента таким же символом свободы, как Куба для Латинской Америки...

Но продолжим. Госпиталь, где нам предстоит работать, очень большой, а вот поликлиники нет, её не успели возвести из-за начавшихся военных действий. Планируется, что её будет строить Советский Союз. Госпиталь (строили, по-моему, португальцы) отличный. Сомневаюсь, сможет ли моя страна построить поликлинику не хуже. Ведь у нас качество строительства медучреждений ужасное. Такое впечатление, что строим не для себя, не для своего народа, а для злейшего врага. Знаю это не понаслышке, видела не раз и не одну такую «стройку милосердия»! Но, возможно, для чужих построят гораздо лучше, чем для себя, это в нашей традиции, ведь нельзя же перед иностранцами падать в грязь лицом.

Сейчас поликлиника находится в приспособленном здании. Больные сидят на полу перед кабинетом, соблюдая полную тишину. В кабинете кондиционера нет (нет его и в квартире), но климат в нашей провинции благоприятный, особой жары не испытываем, а в период дождей, бывает, даже мёрзнем, особенно ночью.

В Анголе, можно сказать, только два времени года, два периода – сухой и дождливый. В Лубанго после 12-14 часов дождь всегда – в виде ливня с громом и молниями, часто шаровыми. Длится он часа два, а потом снова светит солнце, и небо голубое-голубое. После проливного дождя земля быстро подсыхает. Ночью небо бархатно-тёмное, звёзды очень яркие, а Млечный путь ещё более, чем у нас, густой и туманный. Пытаемся найти созвездие Южный крест, но безуспешно. Мы увидим его только в Мозамбике. В сухой период ночью здесь довольно прохладно, 10-11 градусов, днём же – плюс 25-28.

Достопримечательности провинции – это перевал (ущелье) Тундвал, его глубина 1200 м. Дорога, построенная немцами, вьётся серпантином до города Мосамедиш. Впечатляет чудесное местечко Умпато. Проехать по серпантину нам удалось с помощью мостостроителей. Они выделили для экскурсии свой выдавший виды автобус. Страх быть обстрелянными или упасть в про-

пасть скоро уступил место восторгу от открывшихся пейзажей. Очень красивая дорога пролегла среди скал. Она привела нас сначала к большой манговой роще (как нам объяснили, когда плоды созревают, сюда полакомиться заползают ядовитые манговые змеи, так что собирать плоды не безопасно). А потом перед нами раскинулся океан. Казалось, отступая, он обнажил дно с множеством высоких, причудливых, похожих на покинутый город монументов. Стихия воды и суши, фантастическая гениальность природы! На океане все очень обгорело. Вода оказалась солёно-горькой, видимо от большой концентрации магния. Назад возвращались, как и положено, «усталые, но довольные». Воспоминания остались на всю жизнь.

В городе часто раздаются автоматные очереди, особенно ночью. В начале нас это очень пугало, но потом привыкли. В случае угрозы нападения и бомбёжки нам предписано с готовым НЗ (неприкосновенным запасом) бежать в эвкалиптовую рощу. Интересно, кто придумал такой дурацкий план? До рощи при бомбёжке мы никак не добежим – далековато. Да и бомбить будут в первую очередь эту самую рощу.

Нам показали как стрелять из автомата Калашникова. Удовольствия мало: тяжёлый, большая отдача, меня он просто развернул в противоположную сторону. Испугалась, что перестреляю окружающих.

Вскоре случилось ЧП: в заложники взяли чехов. Они были безоружные и потому их сумел освободить Красный Крест. Пришёл приказ нам тоже всё оружие сдать. А кому? Автоматы передали нашим военным, один пистолет военному советнику СВАПО и другой нашему лётчику Вячеславу Паскалю, он и летал, и работал по цели. Сколько уж было дырок на его МИГ-23, знает, наверное, только он один. Ходили слухи, что за голову «этого русского» юаровцы и УНИТА давали 100 тысяч долларов. Видать, неплохо он их бил. Как мы узнали позже, этот славный лётчик покинул Анголу в конце 1984 года. Говорят, он долго лечился...

У нас в кладовке остались только рожки для патронов, мы о них просто забыли. Надеемся, если нас возьмут в плен безоружными, снова поможет Красный Крест. Но вскоре произошли события, заставившие нас вновь выдать оружие. Но уже не автоматы. Было сказано, что в воюющей стране мы должны сами уметь защищаться. А произошло вот что: в провинции Кванза сул (точное название уже забыла, ведь прошло 20 лет) УНИТА ранним утром, около 5 часов, предприняло попытку захватить город. Начался бой, сражались кубинцы, в том числе и гражданские. Восемь кубинских специалистов, преподавателей и инженеров, погибли, спасая жизнь нашим врачам. Советское посольство о происходящем узнало только вечером, когда мятежники уже захватили город и вмешиваться было поздно. А мы-то верили, что всё под оперативным контролем, что мы под надёжной защитой, что нас в беде не оставят.

Когда УНИТА атаковала дом, где жили русские врачи, местные их не выдали. По дому стреляли из гранатомёта так, что и головы нельзя было поднять, вспоминали потом наши друзья. Кубинцы вывели наших, заслоня собой, и посадили в вертолёт. Правда, только женщин. Мужчины дожидались помощи в океане, барки никак не могли подойти и забрать их из-за шквального огня.

В конце концов, всех всё-таки доставили в Луанду. Мне довелось тогда встретиться с нашими коллегами. Женщины были перепуганы, плакали навзрыд и сквозь слёзы говорили: «Пока мы живы, первый тост всегда будет за кубинцев, которым обязаны жизнью».

Кубинцы нас спасали не раз, а что же Родина, обещавшая и заботу, и безопасность? Мы, гражданские специалисты, работавшие в воюющем округе, участниками войны и по сей день не считаемся. Хотя перед поездкой нас уверяли, что работа будет та же, что и в Союзе. Никто и словом не обмолвился, что фактически нас отправляют на войну, где мы можем быть убиты или искалечены.

Итак, нас снова вооружают, но уже не автоматами Калашникова, а какими-то ружьями. Перед глазами до сих пор стоит картина: я готовлю ужин, а муж не очень уверенно чистит ствол ружья, из которого явно давно не стреляли. Я с опаской посматриваю на его действия, памятуя, что и не заряженное ружье два раза в год стреляет, и думаю: «Ну, какие мы вояки? Вся надежда на кубинцев да на наших военных советников. Правда, советники отгорожены от нашего дома двухметровым забором. Оббежать его ой как далеко!»

Город пестрит от камуфляжной военной формы. Все с автоматами Калашникова. Одним ходить по городу запрещено. Я тогда готовила работу на научно-практическую конференцию и обследовала школьников. Как-то после работы возвращаюсь домой, вдруг останавливается фольксваген и водитель приказывает по-португальски: «Садитесь в машину». Вокруг ни души. Ну, думаю, влипла. Помню, что в чужую машину садиться ни в коем случае нельзя и, дрожа от страха, отвечаю, что не хочу, не сяду. Вдруг на чистом русском водитель отвечает: «Ну и правильно. Только вот ходить по городу одной запрещено. Забыла?»

Пришла домой и рассказываю мужу о случившемся. Муж начинает смеяться: «Так ведь это Надыр тебя нарочно напугал, чтобы не теряла бдительности. Он уже был здесь и всё рассказал». Вспоминая это сейчас, думаю: какое же это было безрассудство – одной ходить по городу, ведь потерять жизнь ничего не стоило. Чтобы убедиться в этом окончательно и бесповоротно, пришлось пережить ещё одно стрессовое приключение.

Я и моя подруга врач-терапевт Лида Левандовская по утрам бегали на зарядку – напротив нашего дома стоял отель и через дорогу находилась спортплощадка. И вот однажды на полпути нам встречается уже пьяный или ещё не протрезвевший неизвестный – щуплый, маленького росточка, но вооруженный. С трудом волочит свой «калашников», останавливается, преграждая нам дорогу, смотрит на нас мутными глазами и явно собирается что-то

предпринять. У нас душа ушла в пятки, а вдруг в эту больную голову взбредёт мысль дать по нам очередь из автомата?! Просто так, сдуру, от нечего делать! Незнакомец, наслаждаясь нашим страхом, криво ухмыльнулся и, шатаясь, поплёлся дальше. Эти несколько минут, когда мы стояли как вкопанные, показались нам вечностью. Немного придя в себя, мы тоже развернулись и медленно побрели домой. На этом наши посещения спортплощадки закончились. Решили, уж лучше будем бороться с гиподинамией дома под музыку из магнитофона: «Если вы в своей квартире, лягте на пол, три-четыре...».

Работа в госпитале с 7.30 до 12 часов: обход больных в стационаре, приём в поликлинике, ургентная помощь на приёмном покое... Нагрузка колоссальная. Если ты единственный специалист, то на всё это не хватит и суток. Количество принимаемых больных зависит от специальности врача. У терапевта их до 40-50, у меня где-то 25-30. Много операций у врачей-травматологов (это в основном военные травмы), у хирургов. Ну а больше всех – у гинекологов. В основном это ургентные операции.

В Африке есть такой диагноз – «хроническая беременность». Это когда новорождённому ребёнку ещё и года нет, а его мама снова беременная. У местных женщин большой процент кесаревых сечений. И не только потому, что рожают уже в 12 лет, но и от привычки с раннего детства всё носить на голове (отсюда большой лордоз поясничного отдела и, как следствие, узкий таз, неправильное положение плода). Сказываются и особенности питания: в рационе мало животных протеинов, что приводит к слабости родовой деятельности.

В Африке быть беременной своего рода профессия. Даже после трёх кесаревых африканка отказывается от перевязки труб, хотя это является абсолютным показанием. Врач спрашивает: «Ну почему?» И слышит в ответ: «А если я перестану рожать, муж меня бросит». Отказываются предотвращать беременность даже после 10 и более родов! Даже, когда поступают с

разрывом матки! Объясняешь: ты можешь умереть, и дети останутся сиротами. Ничего не помогает! Нам это трудно понять. Сами медики рассказывают: «Когда интересуемся, зачем столько рожать, если нет ни нормального питания, ни медпомощи, ни возможности дать детям образование, ответ чаще всего такой: “А вдруг кто-то из моих детей станет президентом!”». Дай-то Бог! Блажен, кто верует!

Конечно, сверхвысокая рождаемость в Африке во много обусловлена и очень большой детской смертностью. Выжившие должны работать на земле, кормить родителей в старости, да и религиозные воззрения нельзя не брать во внимание...

Всегда боялась вызовов ночью. Здесь часто раздаются автоматные очереди. Конечно, стреляют не в нас, мы нужны всем – и УНИТЕ, и МПЛА, но шальная пуля не разбирает в кого попасть, в том-то всё и дело. Я всегда инстинктивно старалась не высовываться.

Охранник, который охранял наш дом ночью, сидел на первом этаже. Автомат – на коленях и глубокий, крепкий сон на посту. Этого охранника я очень опасалась: а вдруг проснётся, когда я буду возвращаться, и с перепугу начнёт стрелять?! Уж лучше бы его совсем не было. От него ещё больше тревоги, да к тому же вооружён. Если медсестры, жившие на этом же этаже, забывали закрыть форточку в ванную комнату, он умудрялся стащить и мыло, и зубную пасту...

Теперь об особенностях медицинской практики в Африке. Конечно, есть разница в патологии. Всё же жара, москиты, паразиты, включая шистосому, филярии, не говоря уже об аскаридах, острицах, лямблиях, амёбах, анкилостомах, цистоцерках других паразитах, которые есть и на нашем континенте

Здесь меньше гипертонии, инфарктов, язвенной болезни желудка, панкреатитов, колитов, ангин, аденоидов, опухолей гортани и т.д. Объяснение? Климат, особенности питания, обычаи и привычки... Мне казалось, африканцам не ведомо, что такое

стресс. Даже к трагическим утратам они относятся спокойно: Бог дал, Бог взял. У них выживают только сильные, естественный отбор. Похоже, Африка действительно создана для чёрных. Всевышний дал им всё, чтобы выжить в этих условиях – цвет кожи, курчавые волосы, чёрные глаза, форму носа. Лубанго находится на высоте 1750 м над уровнем океана. Когда я поднимаюсь на 5-й этаж, начинается отдышка, чувствуется недостаток кислорода, а местным ничего – у них на два миллиона больше эритроцитов. Нам такое количество просто не нужно, наш воздух с нормальным содержанием кислорода.

От этой высоты и повышенной солнечной инсоляции мы почти все приобрели к концу работы варикозное расширение вен и на треть потеряли волосы. Наши мужчины стали лысыми. Перед отъездом нас предупреждали, что там, куда мы направляемся, можно серьёзно заболеть и даже лишиться жизни, но сама работа и условия работы будут теми же, что и на родине. Правда оказалась полуправдой: и работа не та же самая и условия для работы совсем другие, а вот серьёзно заболеть, искалечиться или даже быть убитым здесь, действительно, можно. Есть все шансы. Но за всё надо платить, раньше или позже. Африка вошла в нашу жизнь и судьбу и просто так не отпускает...

Раз в год здесь проводится научно-практическая конференция врачей. Каждый специалист представляет свои практические наблюдения по диагностике, лечению, статистике, приводит интересные случаи. Я в свободное от работы время обследовала более 1500 школьников от 6 до 15 лет. Основная патология у них это отиты, в основном перфоративные (почти 60% от всей выявленной патологии). И что интересно, почти нет осложнений в виде полипов, грануляций, кариеса, холестеатомы. Чаще всего патологии являются следствием перенесённого острого гнойного отита в раннем детстве. До 20% составляют риниты, в основном аллергические; хронические тозиллиты, фарингиты – где-то около 5%. На всём Африканском континенте проводится мало операций,

связанных с заболеваниями ЛОР-органов, и этому есть своё объяснение. Но к заболеваниям ЛОР-органов более подробно я ещё вернусь уже в Мозамбике.

Мой доклад получил 2-ю премию. Очень интересными были сообщения о диагностике и лечении сонной болезни, которой в Мозамбике почти нет. Есть муха це-це, как переносчик, есть промежуточный хозяин-скот, но нет больных сонной болезнью. И слава Богу! Одной неизлечимой заразой меньше. Негоже почти все опасные и часто смертельные заболевания распределять на один континент! Где справедливость? Есть ли она вообще? Африке хватило бы одной малярии фалсипарум.

Интересные данные представили рентгенологи по осложнениям шистосомиаза, они потом мне очень пригодились. Эти конференции – одна из форм повышения знаний медиков, очень нужная и полезная.

В госпитале обязанности заведующей отделения осуществляет медсестра, так как своих врачей нет. А обязанности шефа возложены на религиозных сестёр, они работают в каждом отделении. Это очень полезная и нужная форма работы в Африке. Будь моя воля, я бы ввела её во всех африканских госпиталях. Сколько бы жизнью можно было спасти! Большое дело сделать успешно операцию, но потом больного ещё надо выходить, и вот тут-то и кроется основная проблема: сплошь и рядом неисполнительность назначений врача. Одна надежда на сестёр от Бога. Если им поручишь больного, будь уверен, всё выполнят в точности. Они же контролируют расход медикаментов и посему нет тотального воровства.

Знакомая *фрейфа* (монахиня) говорит мне, что уже почти 5 лет работает без отпуска. Боится, что когда уедет, все лекарства разворуют. И она права! В Анголе, в частности в нашем госпитале, воруют из аптеки почём зря. Стоит получить медикаменты, как ночью специально вырубается свет и тут же почти все лекарства исчезают. Они уходят к УНИТА. Точно так же исчезают и

унитовские больные, которых мы тоже оперируем. Состояние улучшилось, гаснет свет и койка пустая.

Хочу рассказать о моём первом пациенте в Лубанго. А дело было так: мы только приехали, зашли в предоставленную нам квартиру, ещё не успели толком оглядеться, как на пороге военные врачи из госпиталя СВАПО (Намибия). У них нет ЛОР-врача и они просят посмотреть одного больного. Это министр обороны. У него гипертонический криз и два дня назад было сильное носовое кровотечение. Ему сделали заднюю тампонаду носа, похоже, что уже не кровит, но он не может говорить и есть.

Садимся в УАЗ, с двух сторон от меня два военных в камуфляжной форме и с автоматами. Едем довольно долго. Возможно, мне так кажется с перепугу. Периодически из-за каких-то кустов появляется то один солдат, то другой и опускает перед нами так называемый шлагбаум. Проверка. Я уже начинаю с опаской поглядывать на моих сопровождающих и они, видя моё беспокойство, успокаивают: скоро, мол, приедем. Примерно через час добрались. Весь госпиталь внутри горы – естественная защита от бомб юаровских «Миражей». В палатах темно, идём с фонарём «летучая мышь». Осматриваю больного и говорю своим коллегам, что, кажется, приехала вовремя. А случилось вот что: тампон для задней тампонады оказался очень большим и находился не в носоглотке, а был между нёбом и языком, не позволяя больному ни говорить, ни есть. Больной же думал, что так и должно быть.

На память об этом случае у меня осталась яркая камуфляжная куртка, подарок от СВАПО.

Мне ещё не раз придётся лечить намибийцев. Живут они в землянках в лесу. Впрочем, это уже не лес, а то что от него осталось: одни пеньки после бомбёжки юаровцев. У бойцов много аллергических заболеваний. К ним на праздники и торжества приезжает сам президент.

Настоящий бич Африки – малярия. Больные малярией в основном из пригородов. Из наших врачей никто малярией не заболел. Был один тяжёлый случай у военного советника, которого доставили с передовой на 5-й день болезни, уже с тяжёлой анемией. Сразу назначили хинин и переливание крови. Всё обошлось, больной выздоровел. Малярия, форма фалципарум (тропическая), очень опасна, так как вызывает церебральную кому, отёк мозга и смерть. У белых болезнь протекает тяжелее и случаи молниеносной смерти среди них более часты, так как какой-то иммунитет у местного населения всё же имеется.

Часты тут и аллергические заболевания (риниты, астма...) из-за множества цветов и цветущих деревьев, вызывающих аллергию. Спрашиваю как-то у местного преподавателя: «Как называется это дерево с яркими оранжевыми цветами?» И он совершенно серьёзно отвечает: «Смерть белым», другого названия я не знаю». И действительно, пыльца этого цветущего дерева – сильнейший аллерген. Я в этом убедилась уже будучи в Мозамбике.

Аллергенов здесь предостаточно. Это и малярийный плазмодий (вернее его продукты распада, разрушенные им эритроциты), и многие растения, и интестинальный паразитоз, и некоторые продукты питания... У многих наших специалистов начиналась аллергия – насморки и дерматиты – после употребления в большом количестве цитрусовых (апельсинов и мандаринов). Всё же это не наши фрукты.

Не раз доводилось мне оказывать помощь и раненым намибийцам после их рейдов на территорию Намибии. Вспоминаю такой случай, когда почти на третий день после пулевого ранения в область шеи доставили раненого. У него были разрушены три верхних кольца трахеи. Пришлось вспомнить военно-полевую хирургию: делаю нижнюю трахеотомию и ушиваю повреждённую трахею. Больной выжил и выздоровел без последствий.

Когда ожидается налёт и бомбёжка, всех раненых из намибийского госпиталя переводят в наш гражданский. Опасность миновала – возвращают обратно.

В Анголе много случаев филяриоза и очень тяжелого, с огромным лимфостазом не только нижних конечностей, но и почти всего туловища. С затруднением дыхания и асфиксией, когда вызывают делать трахеотомию, хотя она мало помогает, так как легкие занимают менее половину объёма грудной полости.

Наши мостостроители по выходным дням частенько выезжали на природу, порыбачить. Соответственно варили уху и жарили речную рыбу, что в Африке не безопасно, так как можно приобрести амёбиаз на всю оставшуюся жизнь. Лечить его большая проблема, так же как и диагностировать. Некоторые из мостостроителей эту болезнь, к несчастью, приобрели и только после этого пикники с рыбалкой прекратились.

В Лубанго немного случаев малярии, всё же высокогорье, но всё равно спим под москитными сетками. Местные, заболевшие этой болезнью, обращаются в госпиталь слишком поздно, особенно с детьми, когда начинаются судороги и гемоглобин 2–3 гр.%. Кубинцы предпочитали лечиться одной инъекцией 7,5 мл. фанзидара и аррефесименту (охлаждением под холодным душем). Хороший способ, холодная кровь течёт быстрее и это предохраняет от комы и судорог. Испытала на себе. К малярии ещё раз я вернусь позже. Как никак двадцать лет лечила её в Мозамбике и сама переболела пять раз!

В провинции Уила, как и во всей Африке, много диалектов и этнических групп. К одной из них принадлежат женщины *мумулаши*. Вся одежда на них – *капулан* (кусочек ткани, в разрывке которой используются национальные мотивы). Он фиксируется на талии. Кстати, это любимая (можно даже сказать культовая) одежда всех африканских женщин. Это своего рода культ. Доходит до того, что если какой-то моднице очень понравился капулан, а у мужа нет на него денег, она с легкостью может уйти к другому, кто ей этот вожделенный наряд купит. И это не анекдот!

У женщин (вернее, на женщинах) очень много украшений на шее (бусы и др.), это довольно тяжёлый груз. На руках и ногах – металлические и кожаные браслеты. Их количество говорит о поголовье скота (богатства), которым эта женщина обладает. Волосы собраны в косички, заплетённые с использованием масла и порошка типа нашего кирпичного. До пояса раздеты, топлес. У рожавших грудь висит до пупка. Правда или нет, не берусь утверждать, но говорят, они не признают водных процедур и моются только под струями дождя. Запахи, когда проходишь мимо них, ещё те (о запахах человеческих тел я расскажу позже, они в Африке особые, и, думаю, зависят от питания).

Обычная картина: перед нашим домом идёт мужчина в пиджаке. Снизу кусок ткани вместо штанов. За мужчиной семят 5-6 женщин: на голове – корзина с фруктами, сзади – ребёнок, зафиксированный капуланом. Мужчина не несёт ничего, если не считать трости в руке. Вид гордый, ну у кого ещё столько жён!

Носить на голове целые узлы – это ли не искусство? Мы с Лидой пытались этому научиться, но даже свёрнутый медицинский халат через три шага падал с нашей головы. А как ловко, особым образом закрепив, устраивают детей за спиной! Это всеобщий африканский обычай. И что интересно, когда мамаша закидывает ребёнка за спину и при этом, бывает, замешкается и не сразу его закрепит, малыш не растеряется, уверенно зацепится сам. Генетика!

Однажды возвращаемся из госпиталя, впереди семенит мууилка, а сзади привязанное что-то капуланом. Ребёнок? Но где голова? Догоняем, и что вы думаете – там петух.

Была у меня на приёме женщина, говорившая на диалекте куаньамаш. Это язык птиц, когда быстро-быстро выщёлкивают языком различные звуки. А однажды моя коллега врач-терапевт Л-а прибежала ко мне на приём и говорит: «Идём, я тебе что-то покажу». Захожу в кабинет, сидит анголанка, тип европейский – лицо узкое, нос тонкий, прямой, ну просто итальянский. И это

ещё не всё: у неё голубые-голубые глаза. Говорит, в её племени у всех женщин такие глаза. Откуда? Невероятно, но факт.

Другое племя *мукубал*. Мужчины все очень рослые и агрессивные, не едят мяса, у них тоже на руках и ногах кожаные браслеты по количеству голов скота в их личных стадах. За невесту расплачиваются скотом. И если случается развод, то невеста должна вернуть всё обратно и с приплодом. Возможно, поэтому в племени не едят много мяса. Это своего рода золотой запас. Про мукубалов говорят, что в 70-х они сбрасывали в ущелье Гундовал своих противников. Кто знает, правда это или нет?

В городе есть неплохой базар, но нам ходить туда запрещено. Опасно! Хозяйка базара – дона Мария. Неимоверно толстая, где-то около 150 кг. Так мне говорил её зять, которого я лечила. Когда она дона Мария садилась в машину, та меняла своё горизонтальное положение почти на вертикальное, боковое. Зеваки сбегались смотреть, как она пытается втиснуться в машину.

На базаре она сидит, как монумент. Уже были случаи гибели кубинцев во время посещения этого базара. В Лубанго все овощи и фрукты в 5 раз дешевле, чем в Луанде. И мы с нашими лётчиками по возможности передаём знакомым лук, картошку, помидоры, фрукты.

За деньги ничего у местного населения купить нельзя. Только натуральный обмен – мы им сахар, мыло, что-то из одежды и обуви, а они нам кур, яйца, фрукты. Иногда едем в УМПАТО и привозим на всех яблоки. Рыбу помогают купить мостостроители. Особенная радость, если удаётся достать рыбу капитан или двадцатикилограммового тунца. Чем он больше, тем вкуснее.

Мясо раз в месяц нам продают в местной лавке по списку. Столько-то 1-го сорта, столько-то 2-го и кости. Нам всегда не везло с электричеством. Стоило купить мясо, как тут же сбивали столб или ещё что-нибудь случалось. Выгребаем всё из холодильника и несём к военным, у них есть генератор. В местном магазине име-

ем право купить один раз в месяц растительное масло, вино по одной бутылке, мыло, уксус, рис, макаронны, спички, свечи. Хлеб пекут кубинские военные, покупаем у них. Просеиванием муки они себя не утруждают и посему в хлебе много чёрных жучков. Мы шутим: хлеб с мясом.

По норме покупаем продукты в нашем магазине от Торгпредства и за ними наши мужчины раз в месяц едут в Луанду в качестве грузчиков. Работа эта тяжёлая, жара в Луанде невероятная, поэтому не помню, чтобы кто-то туда сильно рвался. А особенно после катастрофы с нашим военным самолётом, разбившимся за пять минут до посадки.

В тот день был туман, вершины гор не просматривались и лётчикам не хватило высоты. Их контракт подходил к концу и, видимо, чувство опасности ослабло. Погибло 15 человек, из них наших 13. Их искали в горах три дня. Удалось обнаружить портфель с почтой, который почти не пострадал. Нам эту почту доставили... Мы все хорошо знали погибших, очень переживали, плакали. Письмами из портфеля они словно бы вернулись с того света.

Были и другие случаи нелепых смертей. За границей это переживаешь особенно болезненно. При нас погиб прапорщик, кажется, его звали Алексей. Остановился на дороге по просьбе ангольского лётчика, который учился у нас. Тот попросил дать дизель, а в это время мимо мчалась скорая помощь. Шёл дождь, её занесло и он их сбил. Лётчика пытались спасти, оперировали в Лубанго, потом и в Луанде, но он не выжил...

Но хватит о грустном. Благодаря опять же мостостроителям (они дают нам свой транспорт), мы раз в неделю едем в сауну. В автобусе поём песни, чаще всего «А я в Россию домой хочу...», «Берёзовый сок», «Вы слышали, как поют дрозды?», «Летят перелётные птицы»... Поём весело и бодро. Баня всегда с эвкалиптовыми вениками, которыми нас снабжают всё те же мостовики. После того, как по распаренному телу прошли венечком, чув-

ствуешь себя словно заново родившимся. В бане иногда потчуют себя пивом с крабами (они здесь очень большие, их тоже привозят мостовики из Мосамедиша). В Мосамедише работает их группа, и они иногда могут позвонить домой с наших кораблей. Такая возможность есть и у там работающих наших врачей.

Несколько раз в неделю, если привозят новые фильмы, смотрим кино в «кинозале» у военных на крыше пятиэтажного дома. Когда новых фильмов нет, крутят старые. «Мимино» насмотрелись на всю жизнь. В сухой период вечером достаточно прохладно, только 10 градусов. Сидим в камуфляжных куртках, да ещё закутавшись в одеяла. И это в Африке! Ну кто поверит, что в Африке можно мёрзнуть? Оказывается, можно.

На Пасху паски и кулички делаем на всех, трудимся почти до утра... Дни рождения тоже отмечаем вместе. Виновницы торжества получают в подарок столько великолепных роз, сколько не получали, наверное, никогда. А какие блюда готовили! Какие торты пекли! У каждой из нас – своё коронное блюдо, свой рецепт тортов и пирогов. До сих пор вспоминаю Татьянины налистники, торт «Жозефина» по рецепту Дорико, фаршированные кальмары по рецепту Людмилы Григорян. Ну а о грузинской кухне Нистан нужно не говорить, а петь. Я у неё многому научилась, только вот готовить никогда не было времени.

Не могу не вспомнить о враче-лаборанте Марии, которая в плане кулинарии выпадала из нашей компании – готовить она совершенно не умела. С какой-то не понятной гордостью она поведала нам, что по этой причине её оставил муж... Однажды Мария решила «исправиться». Мы уехали в парк, а она вызвалась приготовить котлеты. После прогулки подъезжаем к дому, а из квартиры столбом валит дым, запах горелого, повсюду размазан мясной фарш, разве что на потолке нет.

Отметилась эта чудо-хозяйка ещё одной оригинальной привычкой: прятать немытую после еды посуду... в холодильник. Да, мужу Марии следовало бы при жизни памятник поставить! Это

же надо было выдержать – двадцать лет вместе! По словам «заслуженной жены республики», когда она в очередной раз подавала своему благоверному макароны, он только и мог произнести: «За что?»

...У нас есть подопечный мальчишка Антониу. Живёт он с отцом-полицейским и мачехой. Мама умерла. Общась с нашими, Антониу быстро и хорошо заговорил по-русски, полюбил советское кино, всегда бойко и правильно пересказывал содержание понравившегося фильма. Учительница Людмила получила для него разрешение посещать нашу школу. Смешливый местный учится писать и читать по-русски! Все радуются его успехам. И вдруг... Узнаём, что он нежелателен в доме военных советников, где часто бывал прежде. Почему же? А причина кроилась в том, что жёны военных советников (все не работающие), истосковавшиеся по своим детям, оставшимся в Союзе, окружили Антониу особой, можно сказать материнской, заботой и любовью. И Антониу отвечал им взаимностью. Правда, со временем «мамочки» подметили, что «сынок» проявляет большое любопытство к тому, кто и куда поехал, зачем, когда вернётся?

Как известно, от любви до ненависти один шаг. От доверия до подозрительности столько же, если не меньше. Антониу стали подозревать в шпионстве. Так это или нет установить не удалось, по сему мы, никакими секретными данными не обладавшие, продолжали привечать и подкармливать нашего любимчика. Как сложилась потом его судьба мне не известно. Пережил ли он долгие годы войны? Кем стал? Помнит ли нашу дружбу?

Купить здесь что-то из вещей практически невозможно. Иногда в магазине, где нас раз в месяц отоваривают, появляются джинсы. Их продают строго по разнарядке. У военных, которые получают кое-какие вещи по Совиспано – джинсы, джинсовые рубашки и платья-сафари, часы Сейка, одеяла, мохер – покупаем то, что у них в излишке. Это, в основном, мохер, а если повезёт, то и часы, и джинсы.

Конечно, работавшие в Луанде, могли приобрести себе практически всё, мы же, «провинциалы», к избранным не относились.

Взаимоотношения в группе за редким исключением сложились нормальные. Раньше срока уехали наш старший группы врач-хирург А. Фёдоров и его жена Галина. Более некрасивого внешне мужчины я в своей жизни не встречала. Судить о нём как о специалисте не могу. Жена его была хорошенькой, почти на 20 лет моложе, чем-то походила на актрису Галину Польских. Что их (его?) не устраивало? Скорее всего, сложившийся в коллективе эмоциональный фон. В группе четыре молодых и красивых медсестры, рядом – молодые и здоровые мостостроители. Конечно, между ними выстраивались какие-то отношения, были влюблённости, жизнь есть жизнь, но никто чужих мужей не увёл и семей не разбил. Думаю, зависть к чужому, пусть и временному счастью, сыграла с этой парой злую шутку. Они были за границей уже второй раз и материально ни в чём не нуждались. Но разве счастье материально? Возможно, они уехали, чтобы не оказаться перед выбором: богатство и старый, некрасивый муж или «звёздный час» любви.

После отъезда Фёдорова старшим группы назначили моего мужа. Он терпеть не мог руководящие должности и всегда стремился побыстрее от них избавиться. К счастью, новые обязанности не слишком его обременяли. Всё шло своим чередом, каждый занят своей работой. В свободное время читаем, женщины увлеклись вязанием на спицах (иногда удаётся купить мохер у жён военных), из местной *сезали* или синтетической нити плетём макраме...

Искусством макраме мы овладели в совершенстве. У нас были друзья казахи Акбай и его жена Асия. Акбай всем ремонтировал часы, приёмники, магнитофоны. У Аси была роскошная коса до пят. Несколько раз она порывалась отрезать её, но муж не разрешал. Я часто помогала ей расчесывать непокорные волосы... Когда она стала осваивать макраме, мне поначалу приходилось заставлять её переделывать работу, зато потом Асия стала пре-

красной мастерицей. (Уже после Анголы она мне написала, что даёт уроки макроне в Доме пионеров.) В свою очередь, Ася учила меня делать лапшу-лагман, манты, пельмени величиной с ноготь женского мизинца...

Спустя годы моя подруга из Москвы ездила по турпутёвке на Иссык-Куль и я дала ей адрес моих друзей. Они встретили её очень тепло, подружились и потом переписывались...

После Анголы мы продолжали общаться с Джангиром. Он врач-травматолог из Тбилиси, его жена Нистан – преподаватель французского языка. Сейчас, чтобы не сидеть без дела, она подрабатывает в местной школе, даёт уроки французского и попутно исполняет обязанности... уборщицы. И то и другое делает на совесть, иначе не умеет. Когда её спрашивают о работе, она отвечает, что является преподавателем французского языка с техническим уклоном.

Наш второй травматолог, Виталий Григорян, по матери армянин. Но в Армении никогда не был. Его жена тоже учительница в местной школе, преподаёт математику. После истечения срока контракта он первым из нашей компании вновь возвратился в Анголу. Узнав об этом, Джангир скажет нам: «Виталик уже там, а вы что сидите? Пора ехать!» И мы поехали, вот только попали не в Анголу, а в Мозамбик. И не на два года, а на целых двадцать с лишним лет...

И я и Григоряны через несколько лет побывали в гостеприимной Грузии. Через неделю пиров и возлияний Виталик взмолился: «Джангир, дорогой, пощади! Я не могу больше ни есть, ни пить...».

Где они сейчас, мои друзья и коллеги! Развалилась большая страна, но память так легко не разрушить. Спасибо вам за дружбу, поддержку, готовность прийти на выручку.

Общались мы и с Таней Доброштан, операционной сестрой. Она нашла свою судьбу в Анголе – вышла замуж за мостостроителя Сергея Савельева. Они живут в Киеве, у них родилась дочь Ольга...

Учительница Людмила живёт в Ленинграде, я у неё побывала во время курсов в 1985 году.

После нашего отъезда из Анголы старшим группы стал Саша Борисов, хирург из Москвы. Его жена Наташа – врач-анестезиолог. У них я побывала дважды. Жаль, что не сложилась их семейная жизнь. Сын Илья уже взрослый. Наташа, думаю, давно защитила докторскую. Они-то и рассказали мне о жизни в Лубанго, после нашего отъезда.

Как говорят, в семье не без урода. Ещё при нас на смену травматологу Джангиру из заполярного города Никель (возможно, путаю) приехала семейная пара, Юра и Лариса. Он – травматолог, она – участковый терапевт. Мы сразу поняли, Лариса это не Лида, которая работает как автомат, читает ЭКГ, смотрит анализы, меряет давление, выслушивает, пишет назначения... Новенькая была совсем другой, но зато быстро освоилась и вернулась к старым привычкам. Говорю «к старым» потому, что взяточниками в один день не становятся. Как и доносчиками. Лариса развернула вокруг себя бурную и очень далёкую от врачебной деятельность. Нервы она испортила многим. В том числе и нам.

Мы уезжаем по телеграмме, тут уж не до веселья. Нас провожают друзья. На ужин пришли Акбай и Асия, Борис Максимчук, Таня Доброштан. Утром приехала Татьяна Далил. Она замужем за мальйцем, который учился у нас, защитил диссертацию. Они работают преподавателями в местном университете, у них два сына, говорят на русском, португальском и французском. Тане мы отдали все оставшиеся продукты. Прилетаем в Луанду и секретарь профкома В.Н. Ищук (а я была секретарём профкома в группе после отъезда Джангира) говорит: так вот, мол, и так, поступил донос, якобы у вас на проводах были иностранцы. Мой муж ему в ответ: «Если два украинца (один из Москвы и другая из Киева) и два казаха – иностранцы, то да. Вот и сейчас нас провожают иностранцы – два казаха и украинка...» Сейчас-то ясно, откуда что пошло, а тогда мы были в шоке.

Но как тесен мир! В 1985 году на встрече выпускников Архангельского мединститута, я случайно разговорилась с моей однокурсницей. Оказалось, она живёт и трудится в Никеле. А я перед этим рассказала, что работала в Анголе. И вот она меня спрашивает, не знала ли я Зориновых? Отвечаю, что очень бы хотела их НЕ знать. Однокурсница всё поняла и лишь кивнула головой. А потом рассказала...

Вернувшись из Африки, Лариса опять устроилась участковым терапевтом (легче получать презенты), а Юра всё время лечится водочкой от малярии, иначе, говорит, его трясёт. Никто из врачей в Лубанго малярией не болел, так что понятно, от чего трясёт беднягу. Он в общем-то неплохой человек и выпивает, скорее всего, не от хорошей жизни. Выдержать то, что вытворяла его жена и при этом не спиться, очень трудно...

Работал с нами травматолог Паша из Краснодара, с женой Людмилой. Она собирала гербарий и коллекционировала бабочек. Симпатичная пара. Паша – большой умелец, изобрёл даже самогогонный аппарат. Мы в первое время не догадывались, чего это вдруг мостовики и профтехы зачастили в наш дом. Оказывается, Пашина заслуга. Его изобретение оценили на «отлично»!

Наш друг по Анголе Борис Максимчук живёт в Москве, мы его частенько вспоминаем. С ним вечно приключались разные истории. О нескольких расскажу.

История первая. Однажды жена Бориса уехала по семейным обстоятельствам и они с другом надумали напечь блинов. Правда, несколько переборщили с мукой. Чтобы хорошо вымешать густоватую смесь, решили использовать... электродрель. Идея оказалась потрясающей! И эффект превзошёл все ожидания: торнадо из теста залепило все стены и потолок.

История вторая. В Шереметьеве, при возвращении в Анголу из отпуска, у Бориса, который был тогда изрядно навеселе, изъяли бутылку украинской горилки в заводской упаковке. По причине нетрезвости наш друг возмущаться не стал, понимал, что

будет себе дороже. Тем более, что в аэропорту ему выдали официальную бумагу об изъятии. Только в Лубанго, когда он поведал нам столь грустную историю, мы решили прочитать, что же в той бумаге написано? И чуть не лопнули от смеха. Таможенники вынесли вердикт: «Изъятый продукт длительному хранению не подлежит».

История третья. Неугомонный Борис, устроил со своим товарищем соревнование, кто дольше проедет на авто с выключенным мотором. Результат опять был плачевным. Перевернулись! Правда, отделались довольно легко. Борис – легкими ушибами, а вот его другу пришлось пришивать ушную раковину. Пришили красиво. На память об Анголе.

А вот Сашу Борисова всегда вспоминаем, когда готовим пельмени. Как-то захожу к ним, Саша что-то лепит величиной с полблюдца. Спрашиваю: «Пельмени? Что-то они у тебя чересчур большие». А он отвечает: «Ну и хорошо, съешь два-три и хватит». И то правда!

Надыр Кульбиханов – ветеринарный врач, работает научным сотрудником в НИИ в Москве, живёт в Подмосковье. Мы с ним тоже встречались после Африки. Была у них в гостях в Железногорске, вспоминали его знаменитые шашлыки из курятины. Нам повезло и с руководителями других групп. У мостовиков ими были М. Корбалёв и Лубенников, у военных – Гаркавка, с его женой я дружила.

Вспоминаем волейбольные матчи между командой военных советников и гражданскими специалистами. Обычно побеждали гражданские, команда была очень сильная, но когда приезжал шеф наших соперников генерал Константин Курочкин мы всегда проигрывали – генеральская команда в такие дни должна была побеждать по определению, это же ясно!

Дружила я с Лидой Лейба – красавица, статная казачка. Их с мужем, военным советником, перевели в Кабинду после страшного инцидента, о котором расскажу чуть позже. Кабинда – это

каторга! Климат там очень тяжёлый, жаркий, влажность 100%. Лида на новом месте беспрерывно болела и стремительно теряла свою красоту и здоровье. «Ты бы её сейчас не узнала», – делилась со мной впечатлениями от встречи с Лидой одна моя знакомая. А попала Лида с мужем в это гиблое место за чужие грехи.

Был у них военный советник по фамилии Сурков. Про таких говорят «тёмная лошадка». Из-за границ он не вылезал. Жена от него уехала, якобы по причине беспробудного мужниного пьянства.

Однажды смотрим фильм на крыше у военных, вдруг раздаются выстрелы. Мы к этому уже привыкли. Но оказывается, стреляют в доме военных. Это пьяный Сурков застрелил анголанца, да ещё родственника министра здравоохранения! Стрелял прямо в своей квартире, потом пытался ещё стрелять и в этой перестрелке чуть не пострадал наш друг Борис. Буяна обезвредил дежурный. Как анголанец оказался в квартире Суркова, история умалчивает, а вот, что они не поделили, стало предметом множества слухов. Говорили, что сыр-бор разгорелся из-за дорогущих часов, инкрустированных диамантами-бриллиантами. Сейчас я в это вполне верю. Ведь кому-то такой тип, вечно мотавшийся по заграницам, был нужен для сомнительных делишек – кому война, а кому мать родна. Суркова тайно вывезли из страны (молва уверяла, что в ящике), и дело замяли. Но кого-то наказать за жуткий инцидент и отсутствие бдительности надо было. И нашли крайнего – Лейбу...

Об их дальнейшей судьбе ничего не знаю, надо спрашивать у Бориса. Они были из Кутаиси. Может, что-то знают в Союзе ветеранов Анголы. Буду в Москве, поинтересуюсь.

Недавно позвонила в Москву, поговорила с Борисом и его женой Аллой, у них уже растёт внук, учится в третьем классе. Как быстро летит время!

Военные переводчики сочиняли песни и их распевали все. Мужчинам нравилась «...по-французски я не понимаю, и она по-русски ни фиги, крокодилы, пальмы, баобабы и жена французско-

го посла». Какими путями попала в русский фольклор французенка из посольства – пойдй разберись!

Песни, порой, залетали в нашу жизнь, как птицы в форточку... У нашего пилота Славика и его жены Галины была пятилетняя дочка. Они жили у мостовиков. Как-то Галина встречает меня и рассказывает: «Дочь играет в куклы и поёт “...я проститутка, я фея из бара, я чёрная моль, я летучая мышь, вино и мужчины моя атмосфэ-э-ра...”». Галина в недоумении: где она этому научилась? Да, конечно, у взрослых тётенок. Есть у наших девчат на магнитофоне эта «песня века». Советую Гале, не заострять внимание на детской глупости, всё скоро забудется, пройдёт, у ребёнка достаточно других впечатлений...

А вот у Коли Хренова была одна-единственная и горячо им любимая песня. Слух у Коли отсутствовал начисто, но пел он с душой и даже с какой-то лихостью. Когда из дома военных доносились «ка-а-нфетки, бараночки...» все знали: Коля в ударе и уже близко, скоро появится у нас.

Был он ещё тот шутник! Однажды прибегает Лида, её всю трясёт. Рассказывает: «Пришёл Хренов и говорит: “Лида, закрой глаза и вытяни вперёд руки ладонями вверх”. Я закрываю, вытягиваю. “А теперь – открой!” Открываю, смотрю, а у меня на ладони... боевая граната. Я чуть в обморок не упала. А он хохочет! Хороши шуточки, нечего сказать... Мы её успокаиваем, ну что ты, Коля есть Коля, он без шуточек не может и считает их смешными только тогда, когда они на грани фола...

Не знаю, как это правильно называется у военных, по моим понятиям Коля был инструктором по обращению с гранатами. Он уверял, что УНИТА никогда его не убьёт, поскольку там у него мно-о-го учеников. «Вас тоже не убьют, – успокаивал нас Коля, – врачи нужны всем». По долгу службы или по собственной инициативе Коля решил научить наших неработающих женщин пользоваться гранатами. Всё толково объяснил и говорит грузинке Нистан: «Повтори!» Она повторяет: «Беру гранату, вы-

рываю чеку и на раз-два-три бросаю». Коля кричит: «Да не чеку надо бросать, а гранату!» И так несколько раз. В конце концов все женщины урок усвоили... Коля был из Молдавии, где-то он сейчас?!

Вспоминаю полёт на нашем военном самолёте. Летим на «просоюзную конференцию». Вместе с нами летит Валентина, жена военного. Она родом из Казахстана. Высокая, толстая. Утверждает, что вдвоём с мужем они за один присест съедают поросёнка. Попадаем в грозу, самолёт начинает трясти, толстуха падает на колени и начинает то ли молиться, то ли выть-причитывать. Мы не знаем смеяться или тоже вместе с ней молиться. Приземлились. Её встречает муж, она бросается ему на шею и в голос рыдает, как будто век не виделись, а прошла только неделя. Муж не может ничего понять, ведь он о грозе ничего не знает и о том, как она «молилась». Рассказываем и все вместе от души хохочем, хотя в самолёте, если честно, было не до смеха.

И ещё в связи с этой поездкой. У меня светлые волосы, как у всех северянок. Так вот, они от солнца приобрели вообще непонятно какой цвет. Краски для волос, конечно нет. Девчонки советуют подкраситься красителем, которым окрашивают микробы в лаборатории. Решено, так и сделаю. Крашусь, потом смываю краску и не верю своим глазам: мои волосы стали... ярко фиолетовыми. (Моду я обогнала на несколько десятилетий. Это сейчас модно, а тогда...) Пытаюсь как-то изменить цвет, но не тут-то было, краска очень стойкая, хотя спереди цвет улучшился и, если волосы сзади собрать в пучок, то и на люди можно показаться. Так я себя утешаю. И тут тебе поездка на конференцию! А там ещё и в президиум выбрали. Скорее спешу занять место в последнем ряду, но успеваю лишь в предпоследний. Уверена: сзади мужчины гадают, что за женщина-клоун перед ними? В перерыве объясняю, чтоб больше не мучились догадками. Хохочут, такое может быть только в Африке!

В Лубанго я удаляла миндалины Саше Медведеву, он часто

болел ангинами. Операцию делаю под местной анестезией 2% ксилокаином, а этот препарат имеет очень малый лимит между терапевтической и токсической дозой. И до сих пор не знаю на что была реакция типа коллапса? Слава Богу, тогда всё обошлось. Но с тех пор я никогда не применяю 2%, только 1% или 0,5%.

Саша с женой Олей были из Хмельницка (Украина), у них двое детей. Оля во время боёв была ранена, и потом их перевели в Лубанго. Подробности её ранения уже выветрились из памяти. Об их дальнейшей судьбе ничего не знаю.

Да, вот ещё вспомнила семью армян, Жанна и Торник. Они дружили с Джангиром. Когда он, отработав два года, собрался уезжать, мы уговаривали его остаться – была такая возможность. А вот друг Торник, напротив, говорил, что двух лет в Африке вполне достаточно, больше и не надо. Сам же Торник пробыл в Анголе по максимуму, а потом сразу же уехал (на долгие годы) в Мозамбик. Покинул Африку он совсем недавно, по состоянию здоровья – что-то с сердцем. Жанна его почти насильно увезла. Провести полжизни в Африке у них была веская причина – серьёзная и неизлечимая болезнь сына. Сейчас они живут в Англии, там у них дочь. С ними я общалась уже в Мозамбике, по телефону, лично встретиться не пришлось.

Хотелось бы узнать о судьбе наших медсестричек Оли Мухиной, Саше Павловой, Раи и Валентины Туровец из Москвы, акушерок Тони с Украины и Тани из Подмосковья. Оле и Вале, будучи в Москве, звонила пару раз, но потом Оля поменяла квартиру и связь оборвалась. После разговоров с Валентиной, осталось чувство беспокойства, что её занесло не в ту сторону. Она по характеру добрая, весёлая, легко поддаётся влиянию других и это может добром не кончиться. Природа дала ей лицо русской красавицы – правильные черты, изумительный цвет кожи, большие голубые глаза, а вот с женской фигурой и походкой что-то не то. Я пыталась её научить хотя бы ходить не как матрос по палубе. Она пыталась следовать моим советам, но без особого успеха.

Однажды в субботу смотрю, Валентина возвращается с ночного дежурства. Я стою на веранде и мне далеко видно, как она вышагивает матросской походкой, но завидев меня, тут же меняет походку на женственную. Смех, да и только...

В конце мая 1984 года мы уезжаем из Анголы. У меня тяжело и безнадежно больна мама. По прошествии стольких лет вспомнить, что было плохого просто не хочется. Я в таких случаях говорю: «Если есть Бог на свете – а мне кажется, что он нам есть! – он нам и судья, и опора».

Прощай красная земля Анголы, прощай полыхающая страна! Желаю тебе, у которой алмазы под ногами, увидеть и небо в алмазах. Счастливого будущего, мира и процветания!

P.S. Ещё об Анголе. Её столица очень красивый город, но когда мы впервые ехали по улицам Луанды, первое желание было выйти и начать подметать – кругом мусор и грязь. То, что «Луанда – город контрастов», стало ясно, как только мы увидели недостроенное, но заселённое многоэтажное здание и вокруг него горы мусора, доходящие до окон первого этажа. (Потом, через много лет, я увидела это же здание в одной из программ ТВ: гора мусора доходила уже до окон второго этажа.) Дом, в котором бурлила жизнь, уже тогда источал запахи, по сравнению с которыми помойка могла бы показаться благоухающим оазисом. Почему ни у кого из жителей в подобных (далеко не единичных) ситуациях не возникает желания взяться и избавиться от мусора, я поняла уже будучи в Мозамбике. Оказывается, для этого нужен... специальный международный проект! А без этого – ну никак. Но подробней об этом расскажу позднее...

О воровстве в Анголе тоже нужно упомянуть. В Лубанго наш дом пытались обворовать только раз и то безуспешно – всё же в городе очень много военных. А вот в Луанде многие наши коллеги не единожды были ограблены. Обидно, конечно, но главное – мы не погибли ни от болезней, ни от шальной пули.

Теперь о зарплате. Иностранцы специалисты (те же врачи) не могли поверить, что нам платят так мало. И ещё больше их удивляло, что мы рады и этому. Невдомёк им было, что у нас в стране плата за квартиру, газ, электричество, воду чисто символическая, медицина, обучение на всех уровнях бесплатные, детские сады и ясли, пионерские лагеря, санаторные и туристические путёвки почти даром. Налоги тоже символические. Конечно, многие наши мечтали о «западной» зарплате при сохранении советских цен на всё, что нужно обычному человеку. Это был бы идеальный вариант, но в жизни нет ничего идеального. Нужно выбирать: «или – или». И выбор сделан. Теперь сполна хлебам американскую демократию российским лаптем. Вкусно? Вот-вот, всё познаётся в сравнении.

Всем уезжающим из Анголы я писала на память стихи, целые поэмы. Говорили, что для них и это лучший подарок. Помнят ли они меня? Я думаю, помнят, такое в жизни не забывается. А ещё у меня в памяти остались песни, которые пели в Лубанго. Одну из них сочинили наши военные переводчики – парафраз на известные стихи Юрия Левитанского.

- Что происходит в Анголе? – А просто война.
- Прост война, вы считаете? – Да, я считаю.
- Завтра я снова с войсками на юг улетаю,
- Где разгромили недавно бригаду дотла.

- Что же из этого следует? – Следует пить.
- Трезвый рассудка лишится, увидев всё это.
- Вы полагаете будет агрессия летом?
- Я полагаю, без этого нам не прожить.

- Чем же всё это закончится? – Будет Союз.
- Будет Союз, вы уверены? – Да я уверен.

Мне сообщили, и слух этот мною проверен,
Будто мы все в сентябре улетаем в Союз.
Родина ждёт, ибо сколько Анголе не быть,
Недолговечны её кабала и опала.
Ох, не дай Бог, пережить нам всё это сначала,
Вот почему мы за это сейчас будем пить.

Тянет УНИТА к нам длинные руки свои.
А «Миражи» и «Канберры» – по кругу, по кругу!
Бой начинается, дайте гранату мне в руку,
и раз два три,
раз два три,
раз два три!..

И ещё одно воспоминание – тост «За тех, кто в море, в тюрьме и в Анголе».

Спустя четверть века, пытаемся понять, как мы решились тогда поехать в воюющую Анголу? Материально к бедным не относились, хорошая работа, возможность профессионального роста, приличная квартира. Машина нас никогда не интересовала. К авантюристам, как будто, не относились. Романтика? Да нет. Просто случай. А вернее – судьба.

